

ДИСКУРС ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПРАКТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

Литвинова Анастасия Сергеевна

*аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета
факультет политологии,
Санкт-Петербург*

Формирование концепта «гражданское общество» на протяжении развития человеческого общества складывается в связи с изменениями в структуре публичной сферы, а именно с институциональным оформлением пространства дискурсов. Говоря о формировании гражданского общества, Ш. Эйзенштадт, определял публичную сферу как промежуточное состояние между частным и общественным и отмечал, что она создается с помощью нескольких основных процессов: понятийной концептуализации, посредством которой устанавливается и определяется форма дискурса социального взаимодействия; рефлексивностью, которая побуждает дебатировать проблемы общего блага на основе тех или иных критериев включения и исключения; стабилизацией и институционализацией этой сферы [1, с. 149]. При этом исследователь замечает, что взаимоотношение членов сообщества в рамках публичной сферы и политического процесса различаются в зависимости от типа политической системы.

Структура публичной сферы, по мнению О.Ю. Малиновой, зависит от «распространения гражданского общества как типа социального действия. И наоборот: публичная сфера оказывается той средой, в которой складывается (или не складывается) такой тип социального действия» [2, с. 220]. Характер публичности конституируется коллективным знанием и социальной деятельностью, а также определяется институциональной структурой общества, в том числе структурами гражданского общества. Стоит отметить, что форма взаимодействия политической элиты и членов общества различна для разных политических систем, а в основе этого различия находится специфика публичной сферы сообщества. Различие в теории и практике гражданского общества можно проследить в эволюции коммуникативных и институциональных структур.

Дискурс гражданского общества возник и получил свое развитие в западной философской и политической парадигме, а также в коммуникативных практиках западного сообщества. В основу идеи гражданского общества была заложена взаимосвязь между публичным (государством) и частным (гражданином). Политико-философская мысль отражала реальный процесс обособления частного интереса и механизмов его реализации от подконтрольной государству публичной политики. В результате концептуализации теории гражданского общества в парадигме западного развития закладываются базовые измерения гражданского общества: права и свободы граждан, верховенство закона,

разделение властей. основополагающие принципы гражданского общества постепенно находили свое отражение в механизме взаимодействия государства и граждан. Существующая на сегодняшний день политическая реальность определяется соотношением теоретического проекта гражданственности и спецификой общества, которое реализует базовые характеристики теоретической конструкции в социально-политических практиках.

В 20-е гг. XX в. появляются условия для трансформации дихотомии «гражданское общество – государство», которая была характерна для всех предшествующих исторических периодов, в более сложные конструкции. В.А. Гуторов отмечает: «Создание современной теории демократии, демократического политического процесса и адекватной концепции гражданского поведения и идентичности стало окончательно возможным только в послевоенный период в результате мощного спонтанного процесса, который в последние десятилетия специалисты отождествляют с новой демократической революцией» [3, с. 52]. Гражданское общество как теоретическая конструкция находит отражение в реальных жизненных формах и обеспечивает взаимосвязь между частным и общественным, между личностью и государством в рамках существующего коммуникативного измерения.

Немецкий философ и социолог Юрген Хабермас связывает возникновение гражданского общества с утверждением капиталистического способа производства: «с возникновением внесударственной сферы отношений частно-автономных владельцев товаров, т. е. территориально-государственной институционализации рынков товаров, капиталов и труда, равно как и возникновения мировой торговли, из политико-экономической системы выделяется гражданское общество, которое ведет к деполитизации классовых отношений и делает классовое господство анонимным» [4, с. 39-40]. Английский социолог Энтони Гидденс полагал, что распространение институтов современности было европейским явлением, которое протекало в четырех измерениях, обозначаемых исследователем как: капитализм, индустриализм, контроль над информацией и контроль над насилием, которые в свою очередь, имели в основании разрыв времени и пространства, высвобождение и рефлексивность: «высвобожденные институты, связывающие локальные практики с глобальными социальными отношениями, организуют основные аспекты повседневной жизни» [5, с. 207]. Контекст становления гражданского общества напрямую связан с развитием рыночной экономики, капиталистическими формами производства и экономической свободой и способами коммуникативного взаимодействия. Именно в условиях, характерных для общества модерна, внесударственные структуры и отношения, включающие общественные ассоциации и неправительственные организации, распространились в масштабах всего общества, а также сформировались институциональные возможности для граждан артикулировать и выражать свои частные интересы и потребности.

Исследования в современной политической науке все чаще обращаются к анализу гражданского общества, расширяя спектр анализируемых аспектов и особенностей гражданского общества. Общеизвестное определение гражданского общества в социальных науках до сих пор не сформировано. Одно из определений принадлежит Дж. Коэну и Э. Арато, которые отмечают самостоятельность воспроизводства и организации структур гражданского общества и характеризуют его как сообщество индивидов с высоким уровнем политического сознания, которые осознавая свои интересы эффективно их реализуют: «Гражданское общество следует рассматривать не только в пассивном смысле – как сеть институтов, но и активно – как контекст самоконструирования коллективных акторов и как продукт их самоконструирования» [6, с. 16].

В целом, гражданское общество включает в себя совокупность институтов и групп, не являющихся частью государственной власти. Институтами гражданского общества выступают исторически обусловленные и систематизированные формы взаимодействия граждан, организация и функционирование которых зависит от характеристик публичной сферы. Институты гражданского общества многообразны и к ним можно отнести семью, церковь, профессиональные объединения, правозащитные, волонтерские, благотворительные и некоммерческие организации, организации потребителей, политические партии, ассоциации бизнеса, СМИ и лоббизм.

Демократическая либеральная традиция – важное условие развития гражданского общества, но структурные компоненты гражданского общества присущи всем политическим системам, в том числе и авторитарным. Стоит отметить, что существует различие между демократическими и репрессивными политическими режимами. Это различие выражается именно в характере взаимодействия политических элит и граждан, то есть в характере структур коммуникативного дизайна.

Ю. Хабермас говорит о необходимости публичной сферы, в которой разворачивается рационально-критический дискурс. Ю.Хабермас представил теорию социальной эволюции, в основе которой лежит смена социальных формаций, различающихся принципами организации: четыре способа производства и три уровня морального сознания. Современная либерально-капиталистическая формация характеризуется классовым конфликтом, который связан с разделением экономического принципа обмена труда [7, с. 161-189]. Хабермас отмечает, что в эпоху позднего капитализма общенациональные культурные и моральные нормы прошлого своевременно не актуализируются, в виду чего они утратили свою ценностно-ориентирующую функцию и, соответственно, легитимирующую функцию, что требует совершенствования процесса переработки опыта настоящего в нормативные образцы и коммуникативные жизненные формы [8, с. 87-88].

Трудности, связанные с консолидацией общества, по Хабермасу,

разрешаются через коммуникативное действие, образцом которого является дискурс. Публичная сфера представляет собой институционализацию дискурса, в которой требования на истинность постоянно обсуждаются и проверяются. Её функция – оправдание публичной деятельности политической власти. Вопрос взаимодействия и взаимопонимания в процессе коммуникативного действия разрешается через концепцию «идеальной речевой ситуации», которая «исключает искажение коммуникации и где возможна реализация лучшего аргумента способного рационально мотивировать принятие политических решений» [9, с. 28]. В идеальной речевой ситуации у каждого участника коммуникации есть равные возможности для аргументации. Институты гражданского общества должны способствовать достижению требований «идеальной речевой ситуации», способствуя включению граждан в политический дискурс.

Дж. Грин говорит о двух формах социального взаимодействия: «гражданской ассоциации» и «предприятии» или «целевой ассоциации». В первом случае в основе объединения – признание авторитета правовой системы, в рамках которой находятся индивиды; во втором - общий интерес или цель, осуществлением которой, направляя к ней индивидов, занимается государство: «В XX веке мы можем узнать в тоталитаризме современный эквивалент ассоциации-предприятия, а в классическом либерализме — спутника гражданской ассоциации» [10, с. 30].¹ В современных условиях перед обществом ставится задача найти баланс между основанием солидаризации, ее институциональным оформлением и демократическим характером структур, в которых происходят процессы интеграции.

Роль коммуникации состоит в том, что она интегрирует отдельных индивидов в единое общество и создает условия для их взаимодействия - вне коммуникативного состояния невозможна общность как таковая. Коммуникацию можно определить как «социальную операцию и одновременно операцию, которая принудительно запускается всегда, когда образуются социальные ситуации» [11, с. 115].² Всякий коммуникативный процесс можно описать вслед за Н. Луманом через взаимосвязь трех различных процессов: сообщения, информации и понимания. Понимание при этом предполагает осознание различия между сообщением и полученной информацией, что является предпосылкой присоединения последующей коммуникации в самой коммуникативной системе. Коммуникация осуществляется лишь при условии, что понято различие сообщения и информации, а вне коммуникации нет никакой информации, никаких сообщений, и нет никакого понимания. Взаимоотношение и взаимозависимость этих трех компонентов создает возможность, как для самой

¹ Грин Д.Дж. Возвращение в гражданское общество: Социальное обеспечение без участия государства / М.: Новое издательство, 2009. С. 30

коммуникации, так и для существования и развития социальной системы в целом. Фундамент любого социального взаимодействия состоит в том, что все участники коммуникации понимают друг друга. А для того, чтобы коммуникативное взаимодействие протекало успешно и на горизонтальном, и на вертикальном уровнях коммуникации, а каждый участник коммуникации понимал информационные сообщения и сам был понят другими участниками, должны быть заданы символические рамки всех социальных актов. Успех коммуникативных практик состоит в следовании установленной в данном социуме системы общепринятых норм и значений, а также в непрерывном конституировании коммуникативного пространства в масштабах всего общества для поддержания этой системы.

Во второй половине XX века в социальных структурах развитых стран произошли существенные изменения, связанные с экономическим ростом, развитием рыночного механизма, влиянием систем массовых коммуникаций, что привело к изменениям в структуре публичного пространства и принципов взаимодействия негосударственных акторов с институтами власти. Взаимодействие членов общества вышло на качественно иной коммуникативный уровень: массовая коммуникация стала выполнять социоцентрическую функцию – объединение больших, разнородных групп людей, проживающих на протяженной территории. Под воздействием массовых коммуникаций политическое пространство также подверглось процессу трансформации. Изменился как процесс трансляции политической информации, политических ценностей, политических вызовов, так и способ восприятия, форма реакции членов общества.

Механизм передачи и получения информации в современном обществе, которое многими исследователями характеризуется как информационное, трансформируется: информация выступает источником, средством и продуктом общественного производства. Система массовой информации, стимулирующая информационные потоки, воплощается в политическом пространстве как коммуникационная система, формирующая смыслы и значения. Даррен Дж. Лиллекер характеризует современную демократию как медиационную, то есть как такую политическую систему, в которой «основная масса политической активности осуществляется с учетом СМИ, а общественность получает основное количество информации из создаваемых ими репортажей» [11, с. 153].

Р. Дебре, французский исследователь, который ввел термин «медиакратия» в широкий научный оборот, разделяет понятия «коммуникация» и «передача». К термину «коммуникация» относится взаимодействие в конкретный временной промежуток в горизонте настоящего, который состоит в «перенос информации в пространстве в пределах одной и той же пространственно-временной сферы, а передача - в переносе информации во времени, между различными пространственно-временными сферами» [12, с. 76], то есть передача включает

работу со структурами коллективной памяти в координатах исторического измерения. Исследователь отмечает значение не просто создания связи между членами общества, а формирование непрерывности, которая является специфической чертой именно культуры, которая разворачивается в пространственно-временном континууме благодаря процессу социализации.

Передача, в отличие от коммуникации, опираясь на институциональную структуру общества, путем трансляции как ценностей и знаний, формирует коллективную память. Результат передачи рассчитан на длительное время, ее действие нацелено не только лишь на современного адресата, но через образование преемственных связей - на будущее поколение. Коммуникация – это составляющая более длительной и непрерывной передачи. Р. Дебре отметит, что техническое усовершенствование коммуникаций и медиасферы, которая «определяет тип регулирующих верований, конкретную темпоральность и определенным образом сплачивает сообщества» [12, с. 79], привело к «кризису передачи». Скорость коммуникации опережает скорость передачи, а схема передачи информации в массмедиа является недостаточной для того, чтобы укоренять смысловые установки. Процесс культурной непрерывности в виду этого истончается и становится более уязвимым, что требует совершенствования работы со смыслами не на уровне СМИ, а при помощи культурных и символических схем консолидации различных частей общества.

Политическая коммуникация может быть представлена как процесс передачи информации и различных видов воздействия между индивидами, которые являются неравными акторами коммуникативного процесса в виду того, что одни индивиды более информированы и имеют большие социально-политические ресурсы, а другие – аполитичны и не имеют доступа к информации в виду своей социальной позиции [13, с. 132]. При этом политическая коммуникация – это не только передача информации, но понимание транслируемых смыслов на уровне как индивида, так и всего общества, детерминированное социальной структурой, в условиях дихотомии агентов коммуникации. Социальная структура и коммуникативная деятельность являются взаимосвязанными частями общего процесса воспроизводства культурных практик, в том числе в сфере публичного пространства. Неравномерный доступ к информации может привести к сосредоточению ее в руках господствующей элиты, которая посредством монополии на информационный доступ может использовать не только механизмы производства символических и культурных артефактов, но и технологии манипуляции массовым сознанием. Проблемные вопросы современности, вызванные особенностями социального дизайна в информационную эпоху, актуализируют поиск новых механизмов взаимодействия и развития политических коммуникативных практик.

Список литературы

1. Малинова О.Ю. Трансформация публичной сферы и перспективы гражданского общества в постсоветской России (1980–2000 гг.) // В поисках гражданского общества. Коллективная монография; НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2008. – 400 с.
2. Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков, 2006. С. 220.
3. Гуторов В. А. Гражданское общество и теория демократии: из наследия XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2015. – №1 – С. 50-60.
4. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010. — 264 с.
5. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. – 352 с.
6. Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003. – 784 с.
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. – 380 с.
8. Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. — 368 с.
9. Поцелуев С.П. Политическая аргументация в пределах только и не только разума (к «дискурсивной этике» Ю.Хабермаса). // Философия права. – 2008. - № 6. – С. 27-31.
10. Грин Д.Дж. Возвращение в гражданское общество: Социальное обеспечение без участия государства / М.: Новое издательство, 2009. С. 30
11. Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. – 1995. - № 3. – С. 114—125.
12. Лиллекер Д. Политическая коммуникация. Ключевые концепты. Х.: Гуманитарный центр., 2010. – 300 с.
13. Дебре Р. Введение в медиологию. М.: Праксис, 2010. — 368 с.
14. Гуторов В.А. СМИ как актер политического процесса: эволюция западных концептуальных подходов во второй половине XX в. (часть 1) // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2013. Том 118. № 3. С. 130- 144.